

Ф. Жакоб

От «Боже, царя храни!» до «Красных волков»: антибольшевистский поход Луи Дюмюра

Луи Дюмюр известен прежде всего как писатель, чье творчество носило ярко выраженный антинемецкий характер, он был одним из тех, кто усматривал в германском мире постоянную угрозу, даже после окончания Первой мировой войны. Подтверждением тому является издававшаяся в 1919–1926 гг. «Военная тетралогия», состоявшая из четырех по-настоящему «агрессивных» романов, направленных против Германии: «На Париж!»¹, «Мясник из Вердена», «Пораженцы», «Красный крест и Белый крест». Однако в последние годы жизни Дюмюр направляет свое перо против русской революции, опубликовав четыре новых романа, названных соответственно: «Боже, царя храни!», «Скипетр России», «Предвестники Ленина» и «Красные волки»². Публикация этой антибольшевистской тетралогии длилась с 1929 по 1932 г., то есть в период, ознаменованный в Советском Союзе диверсификацией дипломатических отношений, а во Франции — как нарастающей обеспокоенностью углублением экономического кризиса, так и возможным возрождением в Германии острой формы пангерманизма.

Рукописи романов, корреспонденция Луи Дюмюра и обзоры прессы находятся в архиве Cantonales Vaudoises³; библиотека Карнеги в Реймсе включает подготовительные материалы для «русских» романов Дюмюра⁴. Кроме того, существует исследование Мартины Стембергер (Венский университет), посвященное русской тетралогии Дюмюра — «Разрушительные оргии Распутина в “Красных волках”»: создание фиктивной истории в тетралогии “русских романов” Луи Дюмюра»⁵.

В центре повествования — история поруганной любви офицера русской армии Андрея Сергеевича Ляпунова и молодой княжны Надежды Ивановны Осининой, которая испытала на себе бурную страсть сначала Распутина, затем бывшего слуги ее отца и «большевистского шпиона» Степана Аркадьевича, моряка Ту-

Франсуа Жакоб,
директор Института
и Музея Вольтера
(Женева, Швейцария)

тукина и Красного — главы Петроградской ЧК. Эти две линии развиваются на фоне главных событий русской революции, заговоров. Настоящая цель этого романического цикла — объяснить и понять суть событий или их мотивацию через: диалог императрицы и великой княгини Елизаветы Федоровны в «Скипетре России»; диалог посла Великобритании сэра Джорджа Бьюкенена и посла Франции Мориса Палеолога в том же романе; диалог убийц Распутина, в который вмешивается поручик Ляпунов; повторный диалог Петра Петровича Петрова, друга князя Осинина, со своим врачом, евреем Исааком Рубиновичем Шапиро. Они поддерживают тот единый принцип произведения, который был провозглашен в 1896 г. в «Книге Масок» Реми де Гурмоном⁶. Романы Дюмюра, написанные под влиянием Гурмона, похожи на «прочные конструкции, чья взвешенная архитектура радуется замысловатой симметрией кривых, направленных к центральному куполу, куда постоянно возвращается взгляд»⁷. Этот «центральный купол» русской тетралогии Дюмюра находился, бесспорно, в маленькой квартире Петра Петровича Петрова, на Фонтанке. Четыре «русских» романа прежде всего подчиняются манере письма, близкой к той, которая была использована Дюмюром десять лет назад, когда он писал о зверствах немцев в Великой войне: реалистичность опиралась на многочисленные сведения из литературы⁸, некоторые даже полагают, что их количество не оставляет места вольной трактовке; непрерывный ряд памфлетов об исключительном насилии, которое звучит на протяжении всего цикла как некий лейтмотив, сводился иногда к простому портрету того или иного человека; и наконец, ощущение нереальности, фантастичности происходящего, чему способствует, как ее называет Дюмюр, «болезненная изменчивость русского народа»⁹.

Это касается в первую очередь романа «Боже, царя храни!», который, как отмечал в «Газете дебатов» 20 ноября 1928 г. Антуан Альбала¹⁰, является центральным звеном тетралогии. В нем, заметил А. Альбала, можно найти «те качества исполнения и ту дескриптивную мощь», которые являются сильными сторонами Дюмюра. Использование им большого числа документов придает повествованию «избыточность и точность доклада Генерального штаба». Действительно, «официальные документы, газеты, журналы — ни один источник информации не был забыт этим безжалостным, беспристрастным романистом»¹¹. Что касается беспристрастности Дюмюра, то как писатель он, без сомнения, должен был больше дополнять от себя для эффекта сопереживания, чем заботиться об объективности. Год спустя А. Альбала повторяет это же при публикации «Скипетра России». Верный своему «эстетическому реализму», Дюмюр пишет теперь уже не роман, но «неопровержимую историю». Отсюда А. Альбала делает следующее заключение: «Роман совершенно полно формирует историческую память, которая навязывается талантом, структурой и скрупулезно подобранной документацией»¹². И наконец, в рецензии 1932 г. на «Красных волков» А. Альбала еще раз говорит о том, что рассказчик всегда «основательно и с излишком снабжает свои произведения документальными данными», каждый раз изумляет чрезмерностью, которая

сформирована еще одним качеством писателя: «требовательностью к достоверности и точности, что необходимо для создания на ультра-реалистичных страницах картин жестокости и садистских буйств Советского мира»¹³. Другими словами, Дюжюр слишком углублен в детальные описания. Эту точку зрения, по всей видимости, разделяли большинство коллег А. Альбала, среди которых был Луи-Альфред Паже, президент Ассоциации журналистов-демократов. Он «откладывает» «Предвестников Ленина» и «Красных волков», «хотя эти произведения совершенно точно раскрывают истоки большевизма и дают “прогноз” той социальной драмы, которая в настоящем времени развернулась в России», предпочитая им «СССР без страсти» Марка Шадурна, — последний, отрицая большевизм, справедливо требует добавить к дюжюровскому эпосу «холодные математические выводы», которые будут еще более «страшными» страницами «коммунистического режима»¹⁴.

Предельная точность и обилие документов, собранных Луи Дюжюром, приводят, тем не менее, к некой парадоксальности: его обвинительное заключение большевизму основывается на фактах, точных данных и цифрах, с тем чтобы показать естественность и логичность выводов, тогда как через всю тетралогию проходит некий «мстительный дух», который не имеет ничего общего с действительностью. Например, изображение всех исторических персонажей тетралогии было подчинено единой формуле, призванной подытожить те события, в которых участвовали герои, и как только связанное с ними событие завершалось, они исключались из истории и со страниц романа. Так, великий князь Николай Николаевич был смещен с поста Верховного главнокомандующего по тяжелейшему и неумолимому приговору императора, «неспособного взять на себя никакое управление, кроме домашнего хозяйства»¹⁵. Царь был, как отмечено через несколько страниц, просто «марионеткой в руках истерика и злодея»¹⁶. Ненавидя, как мы помним, все немецкое, Дюжюр пишет и об императрице¹⁷, утратившей чувство самого сокровенного желания: «после рождения наследника, которое далось тяжело, царица больше не состоятельна в вопросах пола. Вся ее сексуальность перешла в мозг, производя полное опустошение»¹⁸.

Сторонников Российской империи в романе лишь единицы. Это их индивидуализм, пассивность и слепой эгоизм обрекли страну, а также нежелание быть с народом, который они игнорировали. Как напоминает об этом Морис Палеолог в «Скипетре России»: «За красивым либеральным фасадом скрывались ужасные огромные массы, происхождение которых мы знаем плохо. Огромные и страшные толпы, запущенные и увлеченные примитивными инстинктами, легко внушаемые, готовые к любым порывам, особенно к наихудшим. Они были способны в неистовстве своих непредсказуемых реакций сломать все препятствия и унести все в непреодолимый шторм»¹⁹.

Большевики, напротив, рассматриваются как масса (а могло ли быть иначе?) и не вызывают потребности в детализации, как и прочие символы. О Ленине достаточно нескольких строк, связанных с его пребыванием в Швейцарии. В первом номере «Социалистической

критики», вышедшем в марте 1931 г., Борис Суварин жаловался на лидера большевиков, беспрерывно ускользающего из поля зрения: «“Жизнь Ленина” Пьера Шарле читаем по два-три часа..., поскольку не найти лучшей книги для чтения». По крайней мере, книга Шарле представляет «определенный интерес для общественности, напичканной чудовищными легендами, изобретенными продажной прессой». Читающая публика узнает в результате, «что Ленин не имеет ничего общего с оборотнем-геростратиком, каковым пытаются выставить лидера большевизма»²⁰. Луи Дюжюр не удержался от того, чтобы сделать из Ленина некоего оборотня, не говоря уже о геростратике, и сразу же помещает в картину его постоянно меняющийся портрет. Большевики пытаются воздействовать на толпу, похожую на «шумный балаган». Друг за другом следуют «раскаты гонга», «грохот барабанов» вплоть до самого прибытия Ленина: «Когда появился собственнорично главный игрок, большой акробат, глава ярмарки, силач, знаменитый товарищ Ленин, со своим могучим торсом, железными мускулами, своим огромным лысым черепом, изогнутыми бровями, раскосыми глазами, вздернутым носом, ошестинившимися волосами, плотоядными и хищными губами, все взоры обратились к нему, рты открылись, чтобы выкрикивать приветствия или оскорбления, аплодисменты и освистывания смешались, после чего воцарилась тишина, чтобы слушать неистовые речи человека-феномена»²¹. Нетрудно согласиться с тем, что «большой акробат» имеет все черты горбуна Квазимодо, идущего во главе ночной свиты во второй части «Собора Парижской Богоматери», где «шутники дрались и танцевали пиррику» перед выбранным «новым главой сумасшедших»²². Отдельные сюжеты «Собора Парижской Богоматери» проходят красной нитью на страницах двух последних романов дюжюровской тетралогии и напоминают картины, вдохновившие В. Гюго — например, описание безумной демонстрации на улицах Петрограда: «Любопытный также мог рассмотреть этот удивительный спектакль, как если бы сзади были закрытые решетки и неизмеримый человеческий поток с флагами, плакатами, трубами и гробами тек вдоль немых зданий, как будто между мертвых рек и опечаленные Эребом»²³.

Ленин и его сторонники для Дюжюра не поддаются описанию, поскольку принадлежат невыносимой реальности. Если для объяснения ужасов Великой войны в «тесной технике письма» достаточно реализма или натурализма Э. Золя, то изображение большевиков требует других приемов: отличия здесь очевидны, так как Дюжюр использует манеру описания различных участников драмы, близкую фантастической. Так, русские и немецкие солдаты, находившиеся в одном болоте, отсылают читателя к знакомым образам в романах «На Париж!» или «Мясник из Вердена» («нечто остро ощущаемое, вздутое, в глубоких порезах неясно колыхало поверхность земли так, как если бы вся почва была живой»²⁴), а Распутин, когда речь заходит о нем, бросает «свою зловещую тень... как вампир в своем темном полете, угнетая умы, чувства, сознания»²⁵ — подобную метафору сами большевики никогда бы не изобрели. Во всех четырех романах и в разных судьбах довлеет реализм, подчиненный некому уравнению, отсутствующему в русском мире. К этому мы еще вернемся.

Но где в дюмюровской тетралогии находится, если цитировать Гурмона, тот «центральный купол», куда постоянно «возвращается взгляд»? Собственно, это весь текст с самого начала и до последнего разговора Андрея и Нади, происходящего в Страсбурге в отеле «Красный Дом» (меткое название!) в день входа французских войск под командованием Петена. Андрей бросается ниц перед своей невестой, «целует подол ее платья»²⁶ и произносит по-настоящему аллегорическую речь, в которой в вихре политических событий отражена личная история пары: «Я приветствую в твоём лице Россию... Россию и все её страдания!.. Я приветствую в твоём лице родину — угнетённую, искалеченную, пролившую кровь тысяч ранений, насилий, разорений, убийств. Русская родина, преданная и обманутая, павшая в руки евреев и немцев, затоптанная, оскорблённая, обесчещенная. Ты больше не невинная и чистая, но ты ещё красивая, ещё благородная, ещё достойна уважения и восхищения за все свои язвы и муки. Я в твоём лице приветствую Россию... нашу Россию... нашу священную Россию!»²⁷

На всем протяжении романического цикла метафорические этапы готовили эту метаморфозу. Так, в «Предвестниках Ленина» появляется Мария Бочкарева, глава батальона смерти, именуемая Яшкой. Она оказалась тем персонажем, который дополняет и усиливает квази-фантастическую атмосферу рассказа («Состояние транспортированной в Луцк, Киев, затем в Москву, было настолько тяжелым, что хирурги отказывались её оперировать. Полупарализованная, она оставалась на грани жизни и смерти несколько недель. Её удивительная живучесть, наконец, взяла верх...»²⁸). Эта фигура даёт писателю возможность отсылки к истории Франции («Её называли русской Жанной д'Арк»²⁹) и помогает более определенно осветить болезненный национальный вопрос, связанный с экономикой, перемены в которой были причиной беспокойства в последние годы (три года отделяют начало мирового кризиса 1929 г. от последних дней Луи Дюмюра, в конце 1932 г. смертельно больного из-за рака гортани).

Вопрос национальной идентичности рассматривается в четырех романах, что неудивительно, с позиции неприятия еврейства. В «Боже, царя храни!» эта мысль направлена на фигуру Стефана, камердинера князя Осинина, который следит за ссорой Ляпунова с Пронским, его соперником, и «взгляд его косою и лукавый»³⁰. «Скипетр России» начинается после сцены изнасилования княжны Распутиным, с длинного спора Петра Петровича Петрова (имя которого трижды связано с именем основателя города, свидетельствующее о его русском происхождении) с врачом Шапиро, совершенным евреем, которого Петр Петрович объявляет (в абсолютно дружеском тоне) в большей или меньшей степени ответственным за начало войны: «Война — это ваша неопалимая купина. Война вам приносит вместе с лучезарной перспективой разгрома России мессианское объявление большого реванша Израиля»³¹.

На последних страницах романа запечатлен вагон, в котором «едут шестьдесят человек, одетые в лохмотья, во главе со свирепыми и жестокими людьми с горящими мститель-

ными глазами, энергичными жестами, свойственными семитам, с круглыми очками и вьющимися локонами»³². Антисемитские выпады стали еще более масштабными в двух последних книгах, уже непосредственно посвященных триумфу большевиков. Петр Петрович — действительно идеальный персонаж для достижения данной цели: «нельзя, в самом деле, удержаться от предположений, что, несмотря на русский облик, революция всей своей изнанкой, своей прежней деятельностью, длительной подготовкой, результатами и опасностями, которыми она до сих пор угрожает, есть шедевр евреев»³³. «Со всех сторон встречаются их хитрые профили, горбатые носы, их масляные пряди; отовсюду слышны их пронзительные крики, их оглушительные стенания, хриплые интонации с еврейским акцентом. Они попали в нашу столицу как стая ненасытной саранчи»³⁴. Как мы видим, здесь задан определенный тон. В «Красных волках» антисемитская позиция окончательно сфокусирована на Красном — это «маленький беспокойный еврей, черный и худой, с вьющейся копной волос, длинным крючковатым носом с черепаховым пенсне, живыми глазами, жесткими, толстыми и чувственными губами на пустулезном подбородке»³⁵.

Можно поражаться столь ядовитому тону автора, внимание которого до такой степени привлек этот вопрос. Причины этого кроются одновременно в контекстуальном, политическом и, можно сказать, литературном планах.

В контекстуальном плане Дююр оказывается ближе к началу 1920-х гг., к «Французскому действию»³⁶, и особенно к Леону Добе. Не будучи монархистом³⁷, Дююр заявляет о преданности культурным корням сразу в определенном времени (история у него — главная парадигма) и в определенном месте. Нет ничего удивительного в том, что он рассуждает о России 1929 г. так, как он рассуждал о Франции десятью годами ранее; единственное отличие в том, что толпы немцев заменены евреями. В политическом плане 1929–1932 гг. были отмечены в СССР уменьшением напряжения в германо-русских отношениях благодаря Рапалльскому мирному договору (апрель 1922 г.)³⁸, во Франции — серией антикоммунистических репрессий. Судьба распорядилась так, что «Красные волки» появились вскоре после убийства Поля Думера³⁹, совершенного Горгуловым, известным русским эмигрантом-антибольшевиком: возможно, именно в этом заключается причина отступления прессы перед лицом последнего романа дююрговской тетралогии. Наконец, в литературном плане это выступление против евреев позволило сконцентрировать сатирические выпады на двух главных его последствиях: обильная информация, о которой писал Антуан Альбала, была теперь сокращена в разумных пределах; «страсбургская аллегория» прочитывалась теперь как необходимый глоток свежего воздуха вместо того, что Альбала назвал «страницами ультра-реалистичных жестокостей и садистских буйств Советского мира»⁴⁰.

Русская тетралогия Дююра до сих пор не поддается классификации. Запоздалая публикация таких произведений, как «Боже, царя храни!» (“Dieu protège letsar!”), «Скипетр России» (“le Sceptre de la Russie”), «Предвестники Ленина» (“Fourriers de Lénine”) и «Красные

волки» (“Loups rouges”), за чем последовала лишь посмертная публикация книги «Лафайет, мы здесь!» (“Lafayette nous voici!”), может предлагать их прочтение как возможный итог романного творчества писателя, которое противостоит действительности или отрицает ее.

Перевод с французского В. В. Алексеевой

¹ «На Париж!» в настоящий момент переиздается (На Париж! / Под ред. Ф. Дюбоссона и Ф. Жакоба. Женева, 2014). Книга являлась одним из основных экспонатов выставки «Писатели окопов: писатели и Великая Война» (Bibliothèque Carnegie, Reims, 12 сентября — 29 ноября 2014 г.).

² Dieu protège le tsar! Paris, 1927; Le Sceptre de la Russie, Cahiers de la Quinzaine. Paris, 1929; Les Fourriers de Lénine, Albin Michel, 1932; Les Loups rouges, Paris, 1932.

³ Archives Cantonales Vaudoises. Cotes PP-538-200 (Dieu protège le tsar!), PP-538-201 (Le Sceptre de la Russie), PP-538-203 (Les Fourriers de Lénine) et PP-538-202 (Les Loups rouges).

⁴ La Bibliothèque Carnegie de Reims. Cotes BM Reims, Fonds Dumur, boîte 2, dossier 2b (Raspoutine); boîte 8, dossier 8a (Russie bolchevique); boîte 8, dossier 8b (coupures de presse sur la Russie); boîte 9, dossier 9a (Russie antirévolutionnaire).

⁵ *Stemberger M.* Des orgies de Raspoutine aux ravages des “loups rouges”: la mise en fiction de l’histoire dans la tétralogie des “romans russes” de Louis Dumur // Cahiers Louis Dumur. № 1. Paris, 2014.

⁶ Французский писатель-декадент, оказавший сильное влияние на писателей своего времени (примеч. пер.).

⁷ Rémy de Gourmont, *Le Livre des masques*, 1896. P. 17.

⁸ Документальные источники (примеч. пер.).

⁹ *Dumur L.* *Les Fourriers de Lénine*. Albin Michel, 1932. P. 301.

¹⁰ Французский критик и романист (примеч. пер.).

¹¹ *Albalat A.* *Revue des livres: Dieu protège le tsar!* // *Journal des Débats*. 1928. 20 novembre.

¹² *Albalat A.* *Revue des livres: les Fourriers de Lénine* // *Journal des Débats*. 1929. 11 août.

¹³ *Albalat A.* *Revue des livres: les Loups rouges* // *Journal des Débats*. 1932. 3 septembre.

¹⁴ *Pagès L.-A.* *Au royaume de la terreur* // *L’Ouest-éclair*, vendredi. 1932. 2 septembre.

¹⁵ *Dumur L.* *Le Sceptre de la Russie* // *Cahiers de la Quinzaine*. Paris, 1929. P. 110.

¹⁶ *Ibid.* P. 140.

¹⁷ «Но если у государя нет силы воли, то у государыни она есть. И к несчастью, эта государыня была немкой, иными словами, одаренной по расе, по крови, по культуре, по всем атавизмам и даже по родной религии, протестантской, с энергией, с упрямым характером, могучей в постоянной идее, где все другие из других территорий были бы бессильны.» // *Ibid.* P. 181.

¹⁸ *Ibid.* P. 224.

¹⁹ *Ibid.* P. 198.

²⁰ *La Critique sociale*. № 1. 1931. Mars; *Revue des livres*, réimp. éditions de la Différence, Paris, 1983. P. 20.

²¹ *Dumur L.* *Les Fourriers de Lénine*. Albin Michel, 1932. P. 155.

²² *Hugo V.* *Notre-Dame de Paris*, introduction, notes et chronologie par Jacques Seebacher, collection

“Classiques”. Paris, 1988. P. 142.

²³ *Dumur L. Les Fourriers de Lénine. Albin Michel, 1932. P. 133.* — Вспомним первые строки в «Соборе Парижской Богоматери»: «Дворцовая площадь, переполненная людьми, предлагала любопытным из окон вид на море, где пять или шесть улиц, как будто устья рек, извергают каждое мгновение новые волны голов. Волны этой толпы непрестанно росли, натываясь на углы домов, построенных тут и там, как и некие мысы в неправильном бассейне площади.» // *Hugo V. Notre-Dame de Paris, éd. cit. P. 64.*

²⁴ *Dumur L. Dieu protège le tsar! Paris, 1927. P. 185.*

²⁵ *Ibid. P. 78.*

²⁶ *Dumur L. Les Loups rouges. Paris, 1932. P. 263.*

²⁷ *Ibid. P. 264.*

²⁸ *Dumur L. Les Fourriers de Lénine. Albin Michel, 1932. P. 217.*

²⁹ *Ibid.*

³⁰ *Dumur L. Dieu protège le tsar! Paris, 1927. P. 46*

³¹ *Dumur L. Le Sceptre de la Russie. Cahiers de la Quinzaine. Paris, 1929. P. 55.*

³² *Ibid. P. 332.*

³³ *Dumur L. Les Fourriers de Lénine. Albin Michel, 1932, P. 97.*

³⁴ *Ibid.*

³⁵ *Dumur L. Les Loups rouges. Paris, 1932. P. 123.*

³⁶ *Action française — монархическая политическая организация, возникшая во Франции в 1899 г. (примеч. пер.)*

³⁷ Именно этот отказ заставляет осуждать его, устами Ляпунова, эксцессы царского самодержавия, и узаконить французское парламентское представительство во время визита в Санкт-Петербург: «Его депутатами само собой, разумеется, не рождаются, у большинства из них нет ни рода, ни ценных бумаг или чинов, а иногда, даже очень часто, нет и гражданского состояния. Делает ли это их менее способными для этого? Они сыновья своих собственных сил». (*Dieu protège le tsar! Paris, 1927. P. 36.*)

³⁸ Сталин больше не считал (с XVI Съезда партии 27 июня 1930 г.), что Франция «более агрессивна и милитаризована, чем другие агрессивные милитаристские страны мира», заметил Н. Верт в «Истории Советского государства» // Коллекция *Thémis*, Paris, PUF, 1990. P. 291.

³⁹ Президент Франции, убитый в 1932 г. (примеч. пер.)

⁴⁰ *Albalat A. Revue des livres: les Loups rouges // Journal des Débats. 1932. 3 septembre.*

УДК 821.133.1

Жакоб Ф. От «Боже, царя храни!» до «Красных волков»: антибольшевистский поход Луи Дюмюра // Новейшая история России. 2015. № 1 (12). С. 182–190.

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена антибольшевистскому циклу французского писателя Луи Дюмюра, который также известен как автор антигерманской тетралогии о Первой мировой войне, написанной в 1919–1926 гг. и состоящей из четырех романов: «На Париж!», «Мясник из Вердена», «Пораженцы», «Красный крест и Белый крест». Однако в конце своей жизни Луи Дюмюр обратился к русской революционной тематике и создал «русский цикл», состоящий из романов «Боже, царя храни!», «Российский

скипетр», «Предвестники Ленина», «Красные волки» (1929–1932). Среди действующих лиц романов присутствуют, в частности, Распутин, великая княгиня Елизавета Федоровна, английский посол Джордж Бьюкенен и французский посол Морис Палеолог, Мария Бочкарева, В. И. Ленин и другие исторические персонажи. Несмотря на видимое различие тематики, эти два цикла имеют много общего – в 1929 г. Дюмор рассуждает о революционной России в схожих отрицательных тонах, которыми десятью годами ранее он рисовал Германию. В статье дается анализ четырех романов «русского цикла» в контексте европейской и мировой ситуации того времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Луи Дюмор, «русские романы», русская революция, антибольшевизм.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: директор Института и Музея Вольтера (Женева, Швейцария); fr.jacob@bluewin.ch

Jacob F. 'Cultural transfer between France and the Russian emigre: attraction, brotherhood and renunciation'

ABSTRACT: After the expulsion from the Soviet Union in 1922 Russian intellectuals made significant efforts to establish a dialogue with French intellectuals. The symbol of this dialogue was the creation of “Franco-Russian studio”: 14 meetings in the period from 1929 to 1931 were attended. Stanislas Fumé and Jacques Maritain on the French side and B. Zaitsev, B. Poplawski, N. Berberova, N. Berdyaev, G. Fedotov from the Russian side took part in studio. Although the “studio” existed only several years, it had serious influence on Russian-French cultural dialogue development, especially by opening Russian religious philosophy to French. Though it is necessary to mention that not all French intellectuals were friendly to this dialogue – for example, Nikolay Berdiev’s view on East and West were not perceived by all. Journal “Chisla” (“Numbers”), based by poet N. Otsup, from 1932 to 1934 sought to strengthening the positions of Russian literature in the context of French culture (“Paris Note”). Much later these two attempts at dialogue have borne results: the emergence of personalism in philosophy and the Christian Democratic Movement in politics. After the closing of “Chisla” the dialog between French and Russian emigrant cultures failed, though the “Noviy Put” (“New path”) journal made efforts on its development.

KEYWORDS: Louis Dumur, “Russian novels”, Russian revolution, anti bolshevism.

AUTHOR: Director of Voltaire’s Institute and Museum (Geneva, Switzerland); fr.jacob@bluewin.ch

REFERENCES:

- ¹ Stemberger M. ‘Des orgies de Raspoutine aux ravages des “loups rouges”: la mise en fiction de l’histoire dans la tétralogie des “romans russes” de Louis Dumur’ in *Cahiers Louis Dumur*, no. 1 (Paris, 2014).
- ² Dumur L. *Les Fourriers de Lénine* (Paris, 1932).
- ³ Albalat A. ‘Revue des livres: Dieu protège le tsar!’ in *Journal des Débats*, 1928, 20 November.
- ⁴ Albalat A. ‘Revue des livres: les Fourriers de Lénine’ in *Journal des Débats*, 1929, 11 August.
- ⁵ Albalat A. ‘Revue des livres: les Loups rouges’ in *Journal des Débats*, 1932, 3 September.
- ⁶ Pagès L.-A. ‘Au royaume de la terreur’ in *L’Ouest-éclair*, 1932, 2 September.
- ⁷ Dumur L. ‘Le Sceptre de la Russie’ in *Cahiers de la Quinzaine* (Paris, 1929).
- ⁸ *La Critique sociale*, 1931, no. 1 (March).
- ⁹ *Revue des livres* (Paris, 1983).
- ¹⁰ Hugo V. *Notre-Dame de Paris* (Paris, 1988).
- ¹¹ Dumur L. *Dieu protège le tsar!* (Paris, 1927).
- ¹² Dumur L. *Les Loups rouges* (Paris, 1932).